— Александр Семеныч! — Сергей собрался с духом. — Я вот как раз насчет этого хотел с вами поговорить…
— Со мной? Давай, брат, я слушаю.
— Понимаете, Александр Семеныч… мы с Таней решили, что нам нужно пожениться.
Полковник высоко задрал левую бровь.
— Вот как, — сказал он после недолгого молчания. — Надеюсь, не завтра?
— Нет, что вы, — заторопился Сергей, — потом, уже в Ленинграде, когда поступим…
— Не закончив образования?
— Нет, почему, среднее-то у нас уже будет!
— Разумеется. Разумеется. И ты считаешь, что среднего образования достаточно, чтобы обзавестись семьей?

— Так при чем это, Александр Семеныч? — тихо спросил Сергей. — Для этого не образование нужно, а…
— Любовь, ты хочешь сказать? Правильно, Сергей, любовь, разумеется, главное. Но я тебе скажу откровенно: мне не думается, что в вашем с Татьяной возрасте любовь может быть настолько уже зрелой и… э-э-э… серьезной, что ли, чтобы на таком фундаменте строить семью. Не знаю, брат, не знаю… Я вот помню себя в реальном училище… Ну, все мы увлекались в старших классах, благо женская гимназия была

— Кхм-то вы меня запугали, — покачал головой Сергей. — Не везет мне сегодня… Прошлый-то раз я у вас хоть одну выиграл…
— А ты раньше времени рук не поднимай, воевать нужно со злостью. И помельче отвлекаться. А то ты вот планировал вторжение в Англию, а собственного слона проворонил.
— Таня к шести обещала вернуться?
— Ну, знаешь, Татьянины обещания… ого, решил, значит, идти напролом. Так, так… А что, собственно, у нее за дела сегодня такие?
— Да она собиралась идти со своим отрядом на лижную базу.
— Ах, так… девица на полевых тактических занятиях… Сергей, ты невнимательно играешь, получай за это шах.
— Ух ты… Как же это я… Александр Семеныч, да это не только шах!
— Разве? Ну, тем хуже для тебя, не дави ворон.
Сергей ошеломленно уставился на доску, с досадой дернул себя за ухо и смешал фигуры.
— Вот так, брат. — Полковник поднялся, потянулся и встал из-за стойки, потирая сжимавшая звезок. — Извини, Сергей, устал я

Юрий Григорьевич Слепухин
Перекресток

Памяти моего отца — Григория Пантелеймоновича Слепухина (Кочеткова)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Пожалуй, самым удивительным во всей этой истории было то, как отнесся к ней коллектив десятого «Б». Тридцать шесть человек, словно усвоив вдруг главное правило английского воспитания, восприняли скандальный случай так, как если бы вообще ровно ничего не случилось, или, во всяком случае, как если бы произошло нечто обыденное и не заслуживающее внимания.

Это внешне. Под поверхностью, конечно, некоторое время кипели страсти. Девушки, за исключением Людмилы, Ариши Лисиченко и еще двух-трех, безоговорочно осудили столь бурно развернувшийся перед ними роман и только иронически пожимали плечиками, когда разговор заходил о Николаевой. Зато вся мужская половина класса заняла в отношении

Сам он очень тяжело переживал неожиданный разлад с матерью. Главное, ему тоже было это непонятно. Ну хорошо, раньше так было принято, и вообще раньше такие дела решали родители. Мнения детей тогда не спрашивали, если судить по литературе. Но чтобы теперь, в советское время…
И хуже всего то, что мать совершенно

преувеличение ее не обманула. В воскресенье, восьмого, они пошли с Сережей на выставку одного местного художника, и там он вдруг рассказал ей о своих домашних неприятностях. Оказывается, его мама, узнав об их примирении, устроила сканал в потребовала, чтобы они больше не встречались. Таня была ошеломлена. За чувства Сергея она не боялась, он был достаточно взрослым человеком, чтобы решать такие вопросы самостоятельно, но она просто не могла понять, как это мог найтись кто-то, кому мешало бы их счастье! Теперь не могло быть и речи о том, чтобы Настасья Ивановна пришла к Николаевым.

На Танин день рождения, двенадцатого. Правда, накануне Таня попросила Сергея еще раз попытаться поговорить с мамой, но тот мрачно ответил, что нечего и пробовать.

влюбленных определенно сочувствующую позицию; проявлялось это в полном отсутствии насмешек (а какие были теперь великолепные поводы!) и в особенно усердных подсказках — когда Николаева очертя голову пускалась в свое очередное плаванье у доски. Сергея никто теперь не беспокоил больше техническими разговорами ни на переменках, ни после уроков, когда он с двумя портфелями под мышкой терпеливо поджидал в вестибюле охорашивавшуюся перед зеркалом подругу.

Мужское мнение по этому вопросу лучше всего было сформулировано Женькой Косыгиным: он заявил однажды, что хотя Серега и пропал для коллектива, но это понятно, потому что таких девчонок, как Николаева, встретишь не часто. Как-никак, она всегда была хорошим товарищем. Когда Игорь Бондаренко однажды позволил себе циничную шуточку по поводу Тани и Сергея, его обругали гадом и пообещали набить морду.

С большим шумом и гамом прошло в школе отчетно-выборное комсомольское собрание. Обсудили решения Одиннадцатого пленума, переизбрали руководство. Людмила оказалась на высоком посту секретаря комсомольской группы десятого «Б», в составе бюро вошла и Аришка Аксенченко. Таню почему-то никуда не избрали, и это ее немного обидело. Вспомнив, что на собрании много говорилось о недочетах в пионерской работе, она отправилась к комсоргу Леше Кривошеину и в категорической форме потребовала дать ей отряд.

— У меня уже почти годичный стаж в комсомоле, — горячилась она, — а мне еще ни разу не дали ни одной серьезной нагрузки! Почему это, интересно, другие работают, а я должна сидеть? Леша, ну дай мне второй отряд, ну что тебе стоит? С четвероклассниками я справлюсь, вот увидишь!

Кривошеин отнесся к ее энтузиазму несколько недоверчиво, но обещал подумать и поговорить в комитете. На другой день он согласился, — так или иначе, второй отряд остался без вожатого и нужно было кого-то туда назначить. Таня была на седьмом небе.

Вообще, так удачливо — во всем — начался для нее новый учебный год, что она чувствовала иногда даже какой-то суеверный страх: не может же быть, чтобы человеку так везло! И действительно, что-то… — Так я, может, пойду? — смутился Сергей. — Сиди, сиди. Я вовсе отдыхать не собирался, мне все равно скоро ухолить. Он взял с буфета чайник и включил его, потом посмотрел на часы.

— Ну, если Татьяна не явится, будем ужинать без нее. Ты как же думаешь планировать теперь свое будущее, а, Сергей?

— Да как, Александр Семеныч, что тут особенно планировать… Решил я идти в вуз сразу, не откладывая. На вечернее отделение, если удастся. Ну, и работать.

— М-да… Это трудно, Сергей.

— Знаю, — отозвался тот. — Все оно трудно, Александр Семеныч… Мамаша моя говорит, что жизнь, мол, прожить — не поле перейти… Я вот подумал недавно: а вовсе как верно! Такие крутом трудности, ну куда ни глянь… а может, скучно было бы жить без этого, кто его знает. Я вот, когда думаю о том, как придется в вузе учиться и работать, так мне даже как-то неверцем становится — скорее бы…

Половник прошелся по комнате и сел на диван, зябко сунув руки в карманы и положив ногу на ногу.

— Да, — сказал он, — в трудностях есть свой… э-э-э… привлекательная сторона. Тем более в твоем возрасте. В какой институт ты думаешь идти?

— Думаю — в Ленинградский электротехнический. Мне наш Арх… ну, преподаватель физики — он сам там учился — советует поступать именно туда. Знаменитый, говорит, институт, старый. Между прочим, там до революции директором был Попов, изобретатель радио.

— Вот как, — сказал полковник, разглядывая блестящий носок своего сапога. — Значит, ты хочешь именно в Ленинград…

— Да. У меня там и друг учится, на первом курсе кораблестроительного.

Полковник кивнул:

— Теперь-то я начинаю понимать, почему это Татьяна последнее время все пытается меня убедить, что лучше Ленинградского университета нет в мире.

— Ну да, — смутился Сергей, — она, Таня то есть, она действительно думает поступать в Ленинградский, на филфак…

— Ну, еще бы. Было бы странно, если бы она теперь думала поступать куда-нибудь… э-э-э… в Казанский.

Сергей совсем побагровел:

— Плохо, брат, твое дело, — сочувственно сказал полковник. — Но от такой оказии, как говорится, не застрахован никто.

ру… смелее в бой… Ну что ж, придется двинуть фланг?
— Вон вы куда…
— А ты, брат, как думал… тореадор, ту-ру-ру-ру… Кури, Сергей, все равно проветрим.
— Спасибо, Александр Семеныч, накурился уже… Ладно, я вот так…
— Не торопись — открываешь королеву.
— Ух, черт! Тогда сюда.
— Это дело другое. Тореадор… тореадор… Это дело другое. Хитер, брат, ну и хитер… ту-ру-ру-ру, смелее в бой…
— Александр Семеныч…
— М-м?
— Как вы думаете, немцы все-таки высадятся в Англии?
— Кто ж зимой-то высаживается, чудак-человек…
— Нет, а на тот год? Зимой-то, факт, не высадятся.
— На тот год? До того года еще, брат, сколько воды утечет… не до самого года, конечно, — до года две недели осталось, а до оперативного сезона… мм-да. Я пошел, прощайся со своим слоном. Что-то наша общественница задерживается…
Сергей глянул на часы, вздохнул и углубился в обдумывание хода. Полковник опять замурлыкал своего «Тореадора».

60

твердо убеждена в своей правоте, в том, что она этим спасает сына от большой беды, и еще в том, что он, Сергей, ее не любит и «ни во что не ставит», тогда как она желает ему только добра. Вот и пробуй после этого до чего-то договориться! И что у нее против Тани? Да ничего ровно, ерунда какая-то: «Вот не лежит у меня к ней сердце, вот чую, что не доведет она тебя до добра…» Черт возьми, в конце-то концов, да его-то собственное сердце имеет тут право голоса или не имеет? Ну и все!
Так-то оно так, но положение от этого лучше не становилось. Он жил теперь какой-то двойной жизнью — одна в школе и по вечерам с Таней, а другая дома. Невольно получилось так, что дома он старался бывать как можно меньше. Из школы они отправлялись или в библиотеку, где долго просиживали у стола с каталогами, бестолково роясь в карточках и замирая от каждого соприкосновения пальцев, или бродили по улицам, или заходили в парк — послушать оркестр в раковине и посидеть часок на «той» скамейке. Несколько раз Таня зазывала его к себе ужинать: она исполняла роль хозяйки неумело, но очень старательно — разливала чай, намазывала масло на хлеб и то и дело спрашивала, не

5

то тут уж остается единственное — цветы. Да-да, только цветы! А какие — э, вот тут-то и проявляется внимательность мужчины: заранее знать, какие цветы она предпочитает. Скажем, некоторым девушкам нравятся белые розы — он, Женечь, никогда этого не замечал? Потом Сергей Митрофанович принял серьезный вид: — И еще одна деталь. Если уж идти в гости с букетом роз — ты сам понимаешь, что такой подарок кое о чем говорит, — то в таком случае, подавляя, стоит подешевить руку. Да, разумеется, при посторонних! Теперь это не особенно принято, но лишней вежливостью дела не испортишь…

8

Деньги у тебя есть?
— Нет, — сказал Сергей. — Да это неважно, я займу.
Сергей Митрофанович полез за бумажником:
— Чтобы не ходить далеко, возьми-ка пока у меня. Ну-ну, брось, Женечь, я лучше тебя знаю, удобно это или неудобно. Я сейчас при деньгах, так что не беспокойся, отдашь, когда сможешь…
После шестого урока Сергей, попросив Вологдо занести домой его книги, кинулся по цветочным магазинам. Белые розы нашлись только в одном, и он купил

57

что очень серьезное. После разрушения этого английского города (оказывается, правильное его название — Ковентри) она не нашла ничего лучше, как выпустить со своим отрядом специальный номер стенгазеты. Сама написала передовую статью «Новое преступление воздушных убийц Гитлера», поместила в выпуск стихи выразку о бомбардировке Герники, и вся газета вышла под лозунгом «Привет героической борьбе английского народа» — по-русски и по-английски, английский текст написал Гуцко (у него новая мания — английский язык; занимается по системе «Линкафон», выписал себе набор пластинок и целыми днями шипит и бормочет, как одержимый). Газету вывесили утром, и, к несчастью, Кривошеина первый день не было в школе — заметь он сразу, все это было бы проще. А так газета провисела с этим лозунгом целый день. Вечером он вернулся в прошлое в ужас. Выпуск сняли немедленно, а Т. была вызвана к нему в кабинет и получила такой нагоняй, что до сих пор не может опомниться.
Конечно, виновать мы все. Во-первых, этот лубень В. должен был хвастаться своими английскими познаниями, а сказать Т., что такого писать нельзя ни в коем

нужно ли ему чего-нибудь еще. Эти ужины вдвоем, в пустой, ярко освещенной квартире — полковника они никогда не заставали дома, — были для Сергея едва ли не самыми блаженными из проводимых с Таней часов. Он машинально ел, не замечая вкуса, не видел ничего, кроме сидящей напротив него любимой, и время от времени мысленно ужасался — как это он смеет так просто съедать приготовленные ее руками бутерброды…

А после этого приходилось возвращаться домой — в тяжелую атмосферу взаимного непонимания и нелепых обид. Когда Сергей отказывался от ужина — просто потому, что не хотелось есть, — мамаша обижалась еще пуще. Двенадцатого, уже собираясь в школу, Сергей рискнул все же еще раз передать Танино приглашение; Настасья Ильинична только губы поджала: «Чего мне там делать…» Сергей нахлобучил кепку и молча вышел, хлопнув дверью.

На большой переменке он вдруг вспомнил, что на день рождения полагается что-то дарить. Вот так история! Сергей понятия не имел, что дарят в таких случаях, Володя, к которому он обратился за советом, долго и глубокомысленно молчал и наконец спросил, собирает ли Таня марки.

— Не знаю, — пожал плечами Сергей, — а что?

— Понимаешь, — торжественно объявил Володя, — у меня есть потрясающая марка Южно-Африканского Союза, в прошлом году брата Афонсовы давали мне за нее целый альбом канадских. Мне она уже не нужна, я решил покончить с филателистикой, так что могу ее принести, а ты подаришь Николаевой. Это будет подарок еще тот — редкий и изысканный… Сергей плюнул с досады и отправился советоваться к Сергею Митрофановичу. Хитрый старик по обыкновению ухватил его под локоть и, словно ни о чем не догадываясь, стал долго расспрашивать о том, что выбор подарка — дело серьезное и зависит главным образом от личности того, кому подарок предназначен: ну, скажем, девушке можно подарить альманах туфли или плащ, приятно — пластух или фуговальную коробушку, а мамам полагается дарить вещи практичные, которые могут пригодиться в хозяйстве… Только порадовал помучив Сергея, он вспомнил о подарках для знакомых девушек и сказал, что можно подарить хорошую книгу — если это просто знакомая. Ну, а если это не просто знакомая, а, так сказать, нечто большее, 9

уж действительно открытие Америки!

А в общем, я за Т. боюсь. Боюсь, что она еще наделает глупостей. Недавно были с ней у Аграновичей, а там, как назло, оказался один гость, их знакомый из Москвы, тоже еврей, который недавно разговаривал с беженцем из оккупированной Польши. Немцы совершают там страшные зверства над евреями, — он рассказывал такие вещи, что волосы дыбом становятся и просто как-то не веришь. Но Т. верит всему, может быть, она, к несчастью, и права. Когда мы вышли, она сказала мне: «Ты все слышала? Так вот запомни! А мне еще говорят, что я не имею права вести в отряде антифашистскую пропаганду!» Я долго объясняла ей особенности сложившейся в связи с пактом ситуации, но Т., когда речь заходит о фашистах, становится просто невменяемой. Не знаю, чем это все кончится. 59

Видели новый фильм «Музыкальная история», с Лемешевым и Зоей Федоровой. Сюжет — ничего особенного, а музыка хорошая.

4

— …Тореадор, смелее в бой… ту-ру-ру-

случае; а во-вторых, ни я, ни С. тоже не обратили никакого внимания — словно затмение какое-то на нас нашло. Господи, как глупо! Хоть бы эта история не вышла из стен школы. Боюсь, что может выйти — слишком уж долго висел этот злосчастный выпуск на глазах у всех.

27.XI.40

Вышла сеч. История с «английским выпуском», кажется, сошла на нет. Во всяком случае, никаких опубликованных последствий пока не было, и Т. по-прежнему возится со своим отрядом — в свободное от занятий и любви время. Удивительно все же, как она ухитряется успевать и с тем и с другим! Я обычно считала, что она совершенно не умеет организовать свое время.

Я сказала об этом маме — она ведь всегда была о Т. невысокого мнения. Мама сначала отнеслась к этому скептически, но фактыи — вещь упрямая: Т. и учится хорошо, и с пионерами работает, и еще выкраивает время встречаться с С. Наконец мама вынуждена была признать, что любовь является иногда неплохим стимулятором, и, значит, Т. просто нашла, как говорится, свое место в жизни и любит по-настоящему. Вот 58

мне не особенно хотелось к ним идти:
я боялась, что они окажутся похожими
на остальных бахметьевских знакомых.
Оказались очень симпатичными людьми.
Борис Исаакович — режиссер драмтеатра,
вот откуда мне была знакома их фамилия!
Просто я ее постоянно видела на афишах.
Очень культурные люди. Масса книг, гл.
обр. по искусству. Нужно будет привести
к ним Т., ей, наверное, тоже понравится.
И обязательно И. — пусть послушают ее
голос и хорошенько намылят ей голову.
Это просто преступление — зарывать такой
талант!

56 Вчера немцы подвергли страшной
бомбардировке один английский
город — сейчас нет под рукой газеты,
называется что-то вроде Коунтри, по
радио звучало приблизительно так. Налет
продолжался одиннадцать часов! По
немецким сообщениям, зарево от пожаров
видно за 200 километров. Страшно думать
обо всем этом. Борис Исаакович очень
мрачно смотрит на перспективы нашей
«дружбы» с Гитлером.

19.XI.40
Бедная Т. потерпела первое серьезное
поражение на пионерском фронте. Боюсь,

их на все три червонца, полученные
от преподавателя. Букет вышел таким
огромным, что неловко было идти с ним
по улице — Сергею казалось, что на него
оборачиваются все прохожие.
Таня просила его прийти раньше других,
и теперь это оказалось очень кстати,
принимая во внимание неприличные
размеры букета. Кроме того, Сергея очень
смущал предстоящий обряд целования
руки; он твердо решил последовать совету
преподавателя, но не был уверен, хватит ли
в последний момент решимости сделать это
на глазах у всех…
«Хоть бы и в самом деле никого еще 6
не было», — со страхом думал он,
поднимаясь по лестнице. На цыпочках
подойдя к двери, он прислушался и
позвонил.
Таня, распахнув дверь, счастливо просияла
и тотчас же, увидев ворох цветов, сделала
большие глаза и вспыхнула от смущения.
— Сережа, ну зачем столько… —
прошептала она радостно и недоверчиво.
— Поздравляю, Танюша. — сказал Сергей
чужим голосом. Мешковато поклонившись,
он где-то внизу ухватил Танину руку и
храбро потащил к губам.
Таня зарделась еще ярче.

Когда уехала посеанная группа, Таня
с Сергеем осталась в пустой квартире,
среди беспорядочно сваленной мебели,
разбросанных патефонных пластинок и
обрывков серебряных бумажек.
— Теперь мы должны выпить по-
настоящему, взрослым, — шепнула она тоном
заговорщицы. — За наше счастье, правда?
Сергей кивнул. Перебрав бутылки, он нашел
одну, в которой оставалось вина больше чем
наполовину.
— Давай-ка бокалы, — весело сказал он,
— мой — вон там, смотри, на письменном
столе… вот так. Теперь держи, не проси.
Так за счастье, говоришь?
Таня, сияя глазами, усердно закивала.
— Тогда уж нужно до дна…
— Сережа, а мне не слишком много? Еще
опьянею.
— Может, и опьянеешь, кто тебя знает. Ну,
Танюша, за счастье!
Стоя рядом, они чокнулись, и Таня начала
старательно пить до дна, большими
испуганными глазами глядя на Сергея
поверх своего бокала. Сергей ахнул
опорожнил свой одним махом. Допив, Таня
перевела дыхание и посмотрела на него
12 лукаво, искоса:
— Сережа…

8.XI.40
Вот и праздники прошли. Как всегда —
грустно. Я раньше думала, что это только в
детстве грустишь, когда кончается праздник.
Особенно это всегда было заметно после
Нового года и школьной елки.
На демонстрацию я не пошла —
болит нога, ушибалась, когда делала
прелпраздничную уборку (обметала
паутину, а стремянка оказалась поломанной,
и я загремела).
Мама достала пропуска на трибуну. Жаль,
что со мною не было Т. — она так хотела
посмотреть танки, но должна была идти
в колонне со своим отрядом. Парад
53 был, как всегда, красивый. В Москве
и Киеве, очевидно, бывает лучше, но тех
мне видеть не приходилось. Видела танки
— на первом проехал с большим шумом
и громом Александр Семенович, он стоял,
высунувшись из башни, и выглядел очень
импозантно — в шлеме и громадных
черных перчатках с раструбами. Он вообще
очень интересный — такое удачное волевое
лицо и всегда чуть прищуренные глаза, —
я, наверное, опредеенно влюбилась бы в
него, будь он моложе. Или я — старше. Во
вторник случае, я понимаю, почему при виде

— Спасибо, Сережа, пойдем в мою комнату, я хочу пока поставить их там… потом перенесу сюда. Минуточку — я возьму кувшин…
Одета она была точно как тогда — белая юбка, перетянутая широким поясом белой кожи, и светло-зеленая блузочка с короткими рукавами, — только на этот раз по-домашнему, без жакета. Сергей смотрел на нее и чувствовал головокружение — может быть, от крепкого запаха роз, сразу наполнившего всю квартиру. Поставив букет на своем столе, Таня подошла к Сергею и обняла его за шею прохладными легкими руками.

10

— Спасибо тебе большое, Сережа… — шепнула она. — Знаешь, я ведь загадала: если ты принесешь мне цветы, то все будет хорошо… даже еще лучше, чем сейчас. Сережа, как я по тебе соскучилась сегодня… Они успели поцеловаться только дважды, а потом раздался звонок, и Таня, вздохнув, выскользнула из его рук.
В странном состоянии, словно охмелевший от счастья, Сергей провел весь вечер. Комнаты наполнились девичьими голосами и смехом, потом с шумом начали вваливаться приглашенные ребята — Глушко, Гнатюк, Лихтенфельд, очкастый приятель Ири Аксиченко из параллельного класса. Приехал полковник в сопровождении двоих адъютантов, все трое нагруженные бутылками и пакетами. Потом все сидели за столом под председательством торжественной и нарядной матери-командирши, потом танцевали — а Сергей находился все в том же блаженном состоянии полуобольщения-полуотрешенности, не видя и не замечая ничего и никого, кроме Тани — богиня ее глаз, ее звенящего смеха, неправдоподобной прелести всех ее движений.
Сам он не танцевал — не умел. Адъютант полковника — еще какая-то девушка пыталась научить его вальсу, но после нескольких неудачных попыток сказали, что он совершенно безнадежен, и оставили его в покое. Он видел, как танцевала Таня — то с Лихтенфельдом (Сашка-то оказался замаскированным танцором!), то с адъютантами, то с самим полковником; но удивительно — он не ревновал ее даже к Сарочку. Если ей доставляет удовольствие танцевать — ну и прекрасно, а ему самому даже приятно видеть, каким успехом она пользуется… Около часу стали расходиться — утром всех ждали занятия. Полковник пригласил гостей в своей машине.

что И.Б. — начитанный и хорошо одетый пошляк, а С. — человек в полном смысле слова. Он удивительно изменился за последний год. Еще прошлой осенью я обращала Танино внимание на его язык, он за каждым словом говорил какую-нибудь грубость или просто злоупотреблял «блатным» жаргоном. А теперь говорит совершенно нормально, только изредка прорвется вдруг неправильное слово.
В общем нужно сказать, что праздники прошли не очень весело. Мы даже не потанцевали — я из-за своей ноги, а Т. из-за отсутствия С. Вчера вечером она пришла ко мне с Ируськой, и мы втроем сидели как старые девы, пили чай и вспоминали молодость. И. пела наши песни: свою коронную «Ой не свиты, мисяченьку», «Стоит гора высокая» и другие. Я даже поплакала. Какой у нее голос! Мы с Т. уговариваем ее в консерваторию, а она, глупая, еще колеблется. Я бы с таким голосом и ни минуты не думала бы.

15.XI.40
Только что вернулась от Аграновичей — наконец выбралась их навестить, хотя обещала Алексею Аркадьевичу сделать это сразу по возвращении. Откровенно говоря,

военных «крючки женщины ура и в воздух чепчики бросали».
Потом видела и Т., которая очень горда выпавшая своими алмазными ногами во главе второго отряда. Поа бардан, вот как! Знаменитый рафик они восприняли на бомбошом транспарте и несли его с собой, этакие хвастунишки. А в общем, конечно, молодцы.
С. на демонстрации не был. Кстати о нем. Я догадываюсь, что в семье у Аженевых произошло то, что в наше время становится в какой-то степени типичным для многих семей: дети становятся интеллигентнее своих родителей. Иногда это трудно

54

для обеих сторон. В самом деле, суда по тому, что я знаю через Т., мама Сергея протестует против их любви именно потому, что не способна отделаться от своих нелепых старых представлений о «социальном неравенстве». Разумеется, в ее время действительно трудно было вообразить себе счастливый брак между сыном рабочего и девушкой из офицерской семьи. Но теперь — какая глупость! А она не может этого понять. Она не видит, что С. уже сейчас такой же интеллигентный юноша, как, например, сын ответработника Бондаренко, с той единственной разницей,

и результат (он и есть «коэффициент коллективной успеваемости») откладывается на графике по оси ординат. А внизу просто дни. Получается кривая — очень наглядно и убедительно. Занимается этим счетоводством староста вместе с выборной комиссией, и весь четвертый «А» каждый день первым делом мчится в пионерскую комнату посмотреть на график — поднялась или упала вчера красная линия. А с первого ноября они собираются вызвать на соревнование параллельный класс и вычерчивать успеваемость на одной диаграмме двумя линиями разного цвета — красной и синей, на первый раз по жребию, а в дальнейшем красный цвет будет присваиваться победителям предыдущего месяца. Действительно, очень просто и увлекательно!

52

Кроме того, она ввела новую систему групповых домашних занятий. До сих пор у нас обычно к группе отстающих прикрепляли одного отличника, и из этого мало что получалось; а Т. совершенно правильно учла, что в классе, в общем, меньше отстающих, чем хороших учеников. Поэтому она разбила на группы этих последних и в каждую группу сунула одного отстающего. Вот тебе и Танюшка!

Она подняла руку и разжала пальцы — падая, бокал вспыхнул отраженными огоньками и с хрупким звоном разлетелся по паркету.

— Ты что? — успел только воскликнуть Сергей.

— Как «что»? — удивилась Таня. — Так полагается, если пьешь за счастье, — ты разве не знал? Ну, бросай же свой — скорее!

Сергей секунду поколебался — как-никак, бить посуду в чужом доме, — потом глаза его блеснули, и он, широко размахнувшись, словно на занятиях по гранатометанию, швырнул бокал о стену — так, что осколки брызнули по всей комнате. Таня испуганно моргнула и засмеялась, закидывая голову.

— Вот, теперь правильно, — сказала она удовлетворенно, — жаль только, что эти бокалы были не мои. Это матери-командирши, знаешь?

— Ага, — злорадно сказал Сергей, — ну ничего, теперь она тебе покажет, как пить за счастье.

13

Таня пожала плечиками:

— Неважно, я ей куплю. В комиссионных бывают иногда хорошие бокалы, старинные. Я ей куплю даже лучше, чем эти. Если бы у меня было много денег, то я ходила бы по комиссионным и покупала всякие красивые

жить, особенно теперь. Как подумаешь, сколько интересного у нас с тобой еще впереди, — просто дух захватывает!

Сергей улыбнулся и забрал ее руки в свои. Вагнеровская музыка кончилась, из приемника слышалось только слабое потрескивание разрядов.

Ее пальцы шевельнулись в руках Сергея, словно сделав нерешительную попытку высвободиться, потом она затихла, прижавшись еще ближе. В комнате, залитой голубоватым светом фонаря, было очень тихо; внизу по улице промчалась запоздалая машина, коротко

16

просигналив на перекрестке; шипело и чуть потрескивало радио; потом тишину вспорол режущий звук фанфар — медный, исполненный какого-то безжалостного торжества. Таня вздрогнула и посмотрела на Сергея. Когда фанфары пропели и смолкли, заговорил мужской голос — с теми же торжествующими интонациями, бросая тяжелые рубленые фразы.

— Немцы, — шепнула Таня, опять глянув на Сергея. — Ты что-нибудь разбираешь?

Он прислушался.

— «Оберкоммандо» — что это, верховное командование? Это я разобрал… а вообще-то они совсем не так говорят, ни черта

кары специалистов, и вообще это не идет ни в какое сравнение с тем, что переживает сейчас молодежь в Запашной Европе. Мне от его слов стало жутко. Я действительно до сих пор просто и не подумала, что эта мера вызвана подготовкой к войне, и вообще совершенно не думала о том, что война может захватить и нас. Теперь я понимаю, почему Т. говорила тогда о «перекрестке» и что именно она имела в виду. Неужели этот кошмар и в самом деле случится?

Вообще все как-то очень грустно. Т. рассказала по секрету, что Сергей почти расспорился с мамой. Таню особенно мучает, что это в какой-то степени из-за нее, я ее очень понимаю.

49

Как это печально, что человеческое счастье до сих пор зависит от такого количества внешних факторов. Казалось бы, трудно найти более счастливую пару, чем Т. и С. Вернее — пару, более подходящую для того, чтобы быть счастливой. А на самом деле у них все время какие-то трудности!

Вчера я смотрела на них и вдруг подумала: ну что, если и в самом деле будет война? Я просто не представляю себе, что будет с Т., если она расстанется с Сергеем. А ведь это может произойти, так же как происходит во время войны с мальчиками

вещи. И еще по букинистам. Смотри, я вчера заходила к тому, у которого мы тогда спрашивали «Органическую химию», и у него есть «Орлеанская девственница» Вольтера… Ты Вольтера что-нибудь читал?
— Ничего, — смутился Сергей.
— Ну, я тоже ничего. И я уже думала ее купить — всегда любила читать про Жанну д'Арк — любимая моя героиня, — но потом оказалось — там такие картинки… странно, что я все время натыкаюсь на всякие неприличные книги, именно я, как назло… Знаешь, пойдем ко мне, послушаем музыку.
Только сейчас Сергей заметил в углу Таниной комнаты новый предмет
14 — большую радиолу, размерами с хорошую тумбу.
— Откуда это?
— О, это Дядисашин подарок, — гордо ответила Таня. — Привезли сегодня утром. Хорошая, правда?
— Толковая штука. Это что, не наша?
— Кажется, откуда-то из Прибалтики, не знаю. Сережа, поищи что-нибудь хорошее…
Она забралась на кушетку, сбросив туфельки в поджав ноги под себя. Сергей сел возле радиолы, быстро разобрался в незнакомой системе управления, стал

23.X.40
Присутствовала на одном сборе Таниного отряда. Как это ни странно, у нее действительно явные способности организатора и даже в какой-то степени педагога. Это выше моего понимания, но факт остается фактом. Дело в том, что четвертый «А» считается трудным классом, и пионерская работа там действительно 51 была невероятно запущена.
Собственно, ее вообще не велось. Теперь же — за какой-нибудь месяц — у них даже кривая успеваемости пошла кверху. Класрук четвертого «А» прямо в восторге от Т. и ее методов.
Кстати, об этой самой кривой. График висит на виду у всех, в пионерской комнате; сначала, когда Т. повела меня показывать свое гениальное изобретение, я ничего не поняла — обычная координатная сетка, ось абсцисс разбита на тридцать делений, ось ординат — на семьдесят. Что же оказалось? Наша мудрая Татьяна изобрела формулу подсчета ежедневного коэффициента коллективной успеваемости: оценки от «оч. плохо» до «отлично» переводятся в цифры по пятибалльной системе, суммируются, полученное число делится на количество выставленных в день оценок

вещи. И еще по букинистам. Смотри, я вчера заходила к тому, у которого мы тогда спрашивали «Органическую химию», и у него есть «Орлеанская девственница» Вольтера… Ты Вольтера что-нибудь читал?
— Ничего, — смутился Сергей.
— Ну, я тоже ничего. И я уже думала ее купить — всегда любила читать про Жанну д'Арк — любимая моя героиня, — но потом оказалось — там такие картинки… странно, что я все время натыкаюсь на всякие неприличные книги, именно я, как назло… Знаешь, пойдем ко мне, послушаем музыку.
Только сейчас Сергей заметил в углу Таниной комнаты новый предмет
14 — большую радиолу, размерами с хорошую тумбу.
— Откуда это?
— О, это Дядисашин подарок, — гордо ответила Таня. — Привезли сегодня утром. Хорошая, правда?
— Толковая штука. Это что, не наша?
— Кажется, откуда-то из Прибалтики, не знаю. Сережа, поищи что-нибудь хорошее…
Она забралась на кушетку, сбросив туфельки в поджав ноги под себя. Сергей сел возле радиолы, быстро разобрался в незнакомой системе управления, стал

23.X.40
Присутствовала на одном сборе Таниного отряда. Как это ни странно, у нее действительно явные способности организатора и даже в какой-то степени педагога. Это выше моего понимания, но факт остается фактом. Дело в том, что четвертый «А» считается трудным классом, и пионерская работа там действительно 51 была невероятно запущена.
Собственно, ее вообще не велось. Теперь же — за какой-нибудь месяц — у них даже кривая успеваемости пошла кверху. Класрук четвертого «А» прямо в восторге от Т. и ее методов.
Кстати, об этой самой кривой. График висит на виду у всех, в пионерской комнате; сначала, когда Т. повела меня показывать свое гениальное изобретение, я ничего не поняла — обычная координатная сетка, ось абсцисс разбита на тридцать делений, ось ординат — на семьдесят. Что же оказалось? Наша мудрая Татьяна изобрела формулу подсчета ежедневного коэффициента коллективной успеваемости: оценки от «оч. плохо» до «отлично» переводятся в цифры по пятибалльной системе, суммируются, полученное число делится на количество выставленных в день оценок

зарплаты). При теперешней дороговизне это очень мало, их ведь трое, а С. своими уроками почти ничего не зарабатывает. Я знаю по себе: мама получает в общей сложности почти две тысячи, и у нас все равно никогда нет свободных денег.

6.X.40

Вчера вышел приказ No 1 Главного управления трудовых резервов: о распределении контингентов призываемых по областям. На нашу область падает 15 тысяч — 7000 человек в ремесленные училища, 700 в железнодорожные и 7300 в школы фабрично-заводского обучения. 48 Все гадают — кто попадет в число тех «пятнадцатитысячников». Впрочем, призывать будут, кажется, гл. обр. шести— и семиклассников. Девочек тоже!

Вечером мы с Сергеем и Володей были у Николаевых. Таня начала говорить, что это жестоко — призывать насильно таких детей, не считаясь с их планами на будущее, и т.д. В конце концов Алекс. Сем. на нее накричал — я еще никогда не видела его таким возмущенным. Он сказал, что нужно же хоть немного понимать, чем это вызвано. Мы живем сейчас как на вулкане, оборонной промышленности нужны миллионные

непонятно. Наверное, сводка какая-нибудь… вот, «Энгланд» — это значит Англия. Факт, сводка. Послушаем еще, может, что-нибудь разберем.

— Нет, выключи. — Таня быстро выдернула свои пальцы и почти выкрикнула: — Скорее!

Сергей вскочил и повернул щелкнувшую рукоятку, шкала погасла. 17

— Может, поискать что-нибудь веселое?

— Нет, не нужно. Иди ко мне, садись… Сергей вернулся. Таня обняла его и прижалась щекой к его плечу.

— Сережа, мне вдруг стало страшно… Неужели мы тоже будем воевать?

— Ну вот, с чего ты взяла…

— Да, а почему Дядясаша и вообще военные так в этом уверены… конечно, прямо никто этого не говорит, но все равно — это ведь все время чувствуется! Ты не заметил, как Виген начал сегодня что-то говорить, а Дядясаша посмотрел на него, и он сразу замолчал…

— Какой Виген?

— Ну, Сароян!

— А-а… нет, не заметил. Так что ж с того, Танюша… она ведь народ военный, каждый говорит про свое. Мы вот тоже, как

— Ну, понимаешь… чтобы чувствовать себя на высоте. У меня вот все время такое чувство, вроде я что-то ужасно отсталое, что вообще не может мне принадлежать…

— Какие ты говоришь глупости, Сережа, я вовсе совершенно тебе принадлежу. Почему ты меня не ощущаешь?

Они целовались до тех пор, пока Сергей не почувствовал, что должен уйти — немедленно, сию же минуту. Он вскочил и отошел в сторону, с грохотом опрокинув стул. Таня сбросила на пол ноги, глядя на него с недоумением.

— Пошел я, Танюша, — сказал он неповинующимся голосом. — Пора, да и вообще… на завтра задании много…

— Сережа, ну посиди еще пять минуточек, ну что тебе стоит, правда? — жалобно сказала Таня.

— Нет, пора. Ты тоже ложись, а то не высыпишь. Не могу я, понимаешь? — 20 Он вернулся к ней и, взяв руку, прижал к губам тепную ладошку. — Пригрели себя в порядок, — шепнул он, — волосы поправь, слышишь? Я пошел. Нет, не провожай, не нужно…

со слезами возразила Таня. — А Игорь Бонапаренко! Я ему еще чуть по физиономии не дала, а он тогда обозлился и нарочно выдумал это дурацкое прозвище… а я никого не соблазнял! Я не умею соблазнять и никогда не умела, я только читала в книгах — этим занимаются всякие непристойные особы. Ты, значит, думаешь, что я могу вести себя как непристойная особа, ах? Скажи прямо — все равно я вижу, что ты меня уже ни капельки не любишь!

— Я просто не могу слушать, когда тебя — понимаешь, тебя! — начинают высмеивать и называть всякими прозвищами… Я не говорю, что ты вела себя как-нибудь… ну, как-нибудь не так, как нужно! Но ты должна вести себя так, чтобы никому и в голову не могло прийти злословить на твой счет! Почему никто никогда и не подумает сказать такое Земцевой? 45

— Потому что Алеся лучше меня, вот почему, — всхлипнула Таня. — Я не понимаю, почему ты влюбился в меня, а не в нее!

— Вот влюбился!

— Вот и не нужно было!

— Тебя не спросил! Это мое дело, в кого влюбляться!

— А меня это не касается, правда?!

Из дневника Людмилы Земцевой

3.X.40

Новости сегодня «совершенно потрясающие», как говорит В.Г. В газетах опубликован указ о создании государственных трудовых резервов, постановление Совнаркома о призыве (мобилизации) молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения и, наконец, постановление Совнаркома об установлении платности обучения в старших классах средних школ и вузах и об изменении порядка назначения стипендий.

47

В школе только об этом и говорят. Плата за обучение теперь: в Москве, Ленинграде и республиканских столицах — 400 рублей в год в вузах и 200 в школах (8, 9 и 10 классы). В прочих городах — 300 и 150. А стипендий будут получать только отличники. Бедный С. ходит совсем мрачный, — я его понимаю, ему будет очень трудно. Я спрашивала у Т., на какие средства, собственно, Дежневы живут. Его мама получает алименты на дочь и еще пенсию за погибшего сына, около 300 рублей (45% его средней месячной

— А если тебя это касается, то меня касается твое поведение! Ты и сегодня целый час просидела в воде с Косыгиным и Патоличем!

— Мы играли в мяч. Не хватает, чтобы ты начал ревновать меня к Патоличу!

— Я вообще не ревную! Я комсомолец, а не феодал какой-нибудь, чтобы ревновать…

— Вот ты и есть самый настоящий феодал! — крикнула Таня уже сквозь слезы. — Ты с удовольствием запер бы меня в башню, я знаю!

— Ты только не плачь, — сказал Сергей, — вовсе я тебя не собирался запирать ни в какую башню… но слушать такую вот трепню на твой счет — не могу я этого! С минуту он сидел отвернувшись, не глядя на Таню. Та не поднимала головы. Наконец Сергей обернулся и спросил уже другим тоном:

— Ты что, обиделась на меня?.. Ну, Танюша… — Он протянул руку и осторожно погладил ее по плечу. — Я вовсе не хотел тебя обидеть, честное слово… Просто я так тебя люблю, понимаешь, что мне такие вот разговоры про тебя — это как ножом по сердцу…

46

соберемся — только про свое и говорим, кто чего не выучил, кто куда собирается поступать… ну, и они так же. Не думай ты об этом, Танюша, чего голову зря ломать. Пока-то ведь еще ничего страшного нет?

— Пока нет…

— Ну вот, а ты заранее боишься.

Таня вздохнула и коснулась губами его щеки.

— Я больше не буду, правда… Сережа, если бы ты знал, как я тебе благодарна за эти цветы… Для меня сегодня — самый лучший вечер в моей жизни. Конечно, за исключением того — помнишь?

— Не помню, забыл.

18

— Непра-а-авда… Я ведь знаю, что ты никогда этого не забудешь — никогда-никогда. И я тоже никогда. Мы будем приезжать сюда каждый год — именно в этот день, правда?

— Конечно, Танюша, каждый год.

— Как я тебя люблю, Сережа…

Она взяла его руку и прижалась к ней горячей щекой.

— …Ты знаешь, мне вдруг сегодня пришло в голову: теперь мне придется много работать со своим отрядом, а как же мы будем встречаться? Значит, реже?

— Так мы же и так встречаемся каждый день в классе, Танюша.

— Ну-у, в классе… в классе — это мало. Я хочу быть с тобой каждый день, каждый вечер — понимаешь? Вообще, Сережа, со мной делается что-то странное, правда… Смотри — когда, например, летом очень жарко и начинаешь пить воду, и никак не можешь напиться — чем больше пьешь, тем больше хочется. В общем, у меня сейчас получается именно так. Когда я она, мне кажется, что стоит только тебя увидеть, и мне уже не нужно будет ничего-ничего больше… а когда я с тобой, то мне сразу хочется, чтобы ты меня обнял или поцеловал, понимаешь… но все равно — даже если я с тобой так, как вот сейчас, — то мне все равно кажется, что этого мало, что это все что-то не то. Я не знаю, Сережа, может быть, ты меня не поймешь… Это такое странное чувство — вроде жажды, когда все время хочется больше и больше. Интересно — это всегда так, когда любишь? Или я тебя люблю как-то особенно?

— Не знаю, Танюша… ты вообще вся какая-то особенная… Я все-таки так и не понимаю, что ты могла во мне найти… и вообще — не знаю, кем нужно быть, чтобы…

— Чтобы что, Сережа?

19

начистила собственным шарфиком. Таня совсем пала духом.
— Сережа, ты на меня сердишься, — сказала она, отважившись подсесть ближе.
— Правда? Но ведь я тогда вовсе никого не соблазняла, честное слово… Правда, я попросила физрука исправить крепление, но просто было очень холодно и у меня озябли пальцы. Разве это называется соблазнять?
— Я не знаю, что называется соблазнять, — ответил он, не глядя на нее. — Никогда этим не занимался.
— Но ведь я тоже не занималась, Сережа! — умоляюще воскликнула Таня. — Я тебе клянусь, что я никогда никого не соблазняла, и я совершенно не знаю, как это делается! Ведь я же не виновата, что этот физрук вдруг почему-то решил за мной немножко ухаживать, хотя он совершенно ничего такого не говорил и… и вообще. А разве я виновата, что новозмиевский комсорг тоже решил вдруг объясниться мне в любви…
— А, еще и новозмиевский комсорг, — со зловещим спокойствием кивнул Сергей.
— Может быть, и еще кто-нибудь? Какой-нибудь техрук? Или худрук?
— Никакой не худрук! — уже почти

44

В воскресенье они устроили вылазку на Архиерейские пруды, решив воспользоваться остатками лета. Собралась целая компания, весь их кружок — Земцева, Лисиченко, Глушко, Гнатюк, Лихтенфельд, увязался даже Женька Косыгин. Как полагается для экскурсии, Таня оделась попроще: на ней были мальчишеская ковбойка с засученными рукавами, старенькая коротковатая юбка и измазанные в зелени тапочки, и Сергей не мог оторвать от нее глаз.

21

Они расположились в отличном месте, на втором пруду, подальше от рачьих норок, которых Таня боялась панически. Девушки расстелили на траве принесенные с собой одеяла, Гнатюк с Косыгиным затеяли бороться. Сергей насвистывал от удовольствия, радуясь всему — Таниному виду, чудесной золотой осени, предстоявшему купанью. Потом им вдруг овладели смятение и мрачность — когда Таня, продолжая болтать с Глушко, преспокойно расстегнула юбку, переступила через нее и осталась в ковбойке и черном трикотажном купальнике. Он насупился и стал смотреть в сторону, борясь с желанием надавать Володьке по шее.

возразили, он тоже ответил, ну и начался целая дискуссия. Мы говорим о тоне статей в «Комсомольской правде». Там было написано, что автор, аспект, и ранние уже, анализируя Горького, протаскивал всякие чуждые идейки, и что он потом врале и клялся, но на самом деле не осознал своих ошибок, и что вообще странно, как это «Литературная газета» под видом свободной полемики дает место такими политически двусмысленным высказываниям…
— Ну что это, не радость? — опять закричала Таня. — Ну скажи сам, Сережа! Это все равно что показывать на человека пальцем и говорить: «Посмотрите на него, а вель он врет нарочно, как это вы ко сих пор не заметили?» Это донос, вот что это такое!
— А если он и в самом деле врет нарочно? — спросил Глушко.
— Сам ты врет нарочно! А в «Литературной газете» не напишут никогда, чтобы увидеть врагов народа? Или там вся редакция из

24

тоже считают, что он ошибается, а даже Сергей Митрофанович спросил, и он тоже сказал, что значение образа Сатина у него неоднозначно. Так разве из-за ошибки можно губить человека! А так, Володька, просто дурак, самый стопроцентный!
понимаешь, ты, чревоугодник!
— Хорошо сказано, — похвалил Саша Лихтенфельд. — Выражаясь языком великого поэта Хоттабыча, ты могла бы еще добавить: «Сын греха, пучеглазый бурдюк, набитый заносчивым и вдохновенным, да покарает аллах твое нечестивое потомство»…
— Если оно вообще у него будет, — засмеялась Таня. — Ну скажите, девчонки, кому нужен муж-чревоугодник?
— Жене-чревоугодние, — подсказала Володя.
— Вот разве что!
— …но у поэта сказано, — продолжал он, подавив пылец, — «души, созданные друг для друга, соединяются — увы! — так редко». А это значит, пан Гнатюк, что твое дело труба! Ничего, мы с тобой организуем потрясающую хозяйственную комиссию, и ведь тоже не сообразишь…
— Володя! Чьи это стихи ты прочитал? — спросила Таня.
— Не знаю, кого-то из старых.
— А как они начинаются? «По озеру вечерний ветер бродит, цедуя осчастливленную воду» — так?
— Правильно. А ты откуда знаешь?
— А я тоже их читала, только не знаю

41

— А ты чего не раздеваешься? — окликнул его Косыгин. — А ну давай, маханем до того берега и обратно — кто кого, а? Я тебя обставлю как миленького, не я буду…
— Ты меня? — снисходительно покосился на него Сергей. — Подрасти еще на пару сантиметров…
Женьку он, конечно, обставил. Ненамного, всего на несколько секунд, но обставил; ему даже похлопали.
— Ага, ага, хвастун, так тебе и надо, — сказала Таня, показав Косыгину язык. Потом она обернулась к Глушко и заговорила с жаром, очевидно продолжая какой-то спор: — Ты как хочешь, а я считаю, что писать такие вещи — просто непорядочно! Это уже донос какой-то получается! Если он не прав, то нужно ему возразить, нужно объяснить, в чем он ошибается, а писать так, как там написано, — это уже просто гадость!
— Ладно, послушаем вот сейчас, что наш групорг скажет, — ответил Володя. — Ну-ка, Людмила, изреки свое веское слово.
Сергей присел на край одеяла и провел ладонями ото лба к затылку, приглаживая волосы и отжимая из них воду.
— О чем это вы?
— Ой, ну вот скажи сам, Сережа, —

накинулась на него Таня, — ты читал эти статьи в «Комсомольской правде»?
— Это про Горького, что ли? — Сергей вспомнил, что действительно были в газете какие-то статьи на литературную тему; к стыду своему, он так и не собрался их прочитать, — Нет, я, правду сказать, еще не успел… А что там такое?
— Понимаешь, — сказал Володя, — там начался целая полемика — между «Комсомолкой» и «Литературной газетой». Один там написал какую-то чушь насчет «На ане» Горького…
— Это совершенно неважно, — вспыхнула Таня, — чушь он написал или не чушь! Ты вот уже даже сейчас подхалимничаешь к этому нечестно — тебе обязательно хочется с самого начала внушить, что написал чушь, а вель дело вовсе не в этом!
— Подождите, — сказала Людмила, и ее спокойное вмешательство, как обычно, сразу утихомирило противников. — Сначала объясните человеку, в чем дело! Понимаешь, Сергей, один критик выступил в «Литературной газете» с разбором пьесы, и в частности образа Сатина. Ну, он дал ему несколько необычное толкование — не такое, что ли, революционное, как дается обычно. А в «Комсомольской правде» ему

«спитфайр» считается лучшим истребителем в мире, а он больше шестисот не дает.
— Значит, уже не лучший, — сказал Володя, — Возьми почитай сам, если не веришь, недели три назад была заметка. Идешь в воду?
— Немного погодя.
Все ушли, кроме Сергея и Тани. Уже в воде Гнатюк обернулся и крикнул:
— А может, искупаемся, людоедка?
«Товарищ физрук, что там у меня с креплением, пожалуйста…»
Таня, стоя на коленях, подобрала яблочную кочерыжку и неожиданно метко запустила в Гнатюка, попав ему прямо между лопаток. Выполнив этот акт мести, она покосилась на Сергея и тихонько вздохнула. Тот, не замечая ее, щурился на узорчатую крону ближнего дуба, уже тронутую желтизной и словно вчеканенную в бледно-голубую эмаль неба.
— Пойдем поищем желудей? — предложила она несмело. — Иногда попадаются такие крупные…
Сергей движением плеч дал понять, что желуди ему теперь ни к чему, даже самые первосортные. Потом он отказался от предложенного Таней яблока, несмотря на то что она долго выбирала его и до блеска

чки, — они были перепачканы от руки, в тетрадке. Красивые, правда?
— Только и думаешь о поцелуях, пожирательница, — лениво сказал Гнатюк, вставая и потягиваясь. — Ну что ж, айда еще искупаемся? Уже, верно, часа три, как раз будет время обсохнуть…
В небе снова пророкотало звено истребителей. Сделав широкий круг, они сразу забрали кругто вверх и ушли из виду, словно растворившись в синеве. Все проводили их взглядом.
— Маневренные «ишачки», — одобрительно сказал Глушко. — А вот со скоростью у них неважно…
— Вам об этом уже докладывали, товарищ генеральный конструктор? — почтительно осведомилась Людмила.
— Чего докладывали… Это любой летчик знает: машина старая, не засекреченная. Мы еще в Испании на И-16 дрались.
— Сколько он выжимает? — спросил Сергей.

— Что-то около четырехсот пятидесяти.
Читал в «Комсомолке»? Американская фирма «Локхид» выпустила новый перехватчик, максимальная — восемьсот. Класс, а?
— Брехня, наверное. Английский

за своим языком думаешь, наконец, следить или нет? С ума ты сошла, что ли, — то у нее «дурак», то у нее «осел»…
Таня сердито сверкнула на нее глазами:
— А что я должна — видеть перед собой лопух и называть его розой?
— Дело твое. Но если ты начнешь таким же языком говорить у себя в отряде, то…
— Я всегда говорила и буду говорить именно то, что думаю! — отрезала Таня. — Этому меня учили с того дня, как я надела пионерский галстук!
— Речь идет о твоих выражениях, — помолчав, сказала Людмила. — Только. Понимаешь?

40 — Хорошо, понимаю… Это и в прошлом году было то же самое — мне девчонки из пятого «А» рассказывали! Как только отрядный сбор, так и начинается проработка решений Десятого пленума ЦК ВЛКСМ или еще чего-нибудь такого же. Ну, все это нужно, я понимаю, но ведь нельзя же только на этом строить всю пионерскую работу! А потом удивляются, почему это ребятам скучно на сборах…
— Воображаю, у тебя им будет весело, — ехидно заметил Гнатюк.
— У меня им будет очень весело, можешь быть уверен! Что ты вообще в этом

— Юпитерша, ты сердишься, — высокомерно отозвался Глушко. — А что говорили древние греки? Сердишься — значит, не прав.
— Кстати, это были римляне, — улыбнулась Людмила. — Ты спрашивал моего мнения? Я скажу, только не как секретарь группы, учти, а просто как частное лицо. По-моему, и ты прав, и Таня права… 25
— Эх ты, соглашательница! — фыркнула та.
— Ничего подобного, я тебе сейчас объясню. Володя прав в принципе: если ты видишь действие врага, то ты обязана обратить на него внимание, хотя бы это и выглядело доносом…
— Да какое же это «действие врага» — ошибиться в литературном анализе?
— Никакое, — согласилась Людмила. — Поэтому я и говорю, что ты тоже права. Володя прав в принципе, но в данном случае ошибается.
— То-то же, — сказала Таня победоносно.
— А в общем, ну вас, вы мне надоели. Лезем в воду, Аришка!
— Иди, иди, там тебя уже давно раки поджидают, — сказал Глушко.
— Типун тебе на язык! Идем, Аришка.
— Таня встала, одергивая купальник, и

месяцев, — рассказывал Сашка. — А потом ничего, выпустили. Говорят, ошибка произошла.
— Чего ж, по Волоабкиной теории — так и должно быть, — жестко усмехнулся Сергей. — Бытовизмы, чего там! Лучше запретят десяток невиновных, чем упустить одного виноватого…
Глушко совсем рассвирепел:
— Да катись ты к черту, знаешь! Что я тебе — оправдываюсь перед вы? Как вы все простой вещи не понимаете, это же прямо что-то потрясающее: вель если искажение принципа влекадит уродливо, то это же совершенно не значит, что плох сам принцип!
— Ладно, замнем, — сказал Сергей, снова отвернувшись к воде.
Людмила, стоя на коленях, задумчиво вертела в руках резиновую шапочку.
— Ты в чем-то ошибаешься, Володя…
— сказала она негромко, словно думая вслух. — Здесь вообще получается

28 что-то очень сложное и… и не совсем понятное. Взять эту же поемику… Я считаю, что Таня возмутилась справедливо, таким тоном нельзя вести литературный спор. Почему-то у нас слишком уж часто любое несогласие объявляют чуть ли

связываться не хотелось.
— А что случилось? — заинтересовался Лихтенфельд.
— Ха-ха, он в восьмом классе сказочка от меня по уху. Запросто, в присутствии представителя горono, — небрежно сказала Таня. — Наверное, я уже тогда чувствовала, что он со временем выродится в пожирателя яблок.
Гнатюк, корчась и большеголовый поношь, покосился на обидчицу и неторопливо, со смачным хрустом, вырвь адерую половину яблока.
— Шкода, мы тогда не знали, во что выродиться ты, — сказал он, прожевав.

37 — А во что это я выродилась, интересно?
— А как тебя прозвали во время кросса, интересно?
Таня покраснела:
— Это Игорь Бондаренко прозвал, а он просто дурак!
— А ну, ну! — заинтересовались остальные.
— Гнаток, только посмей… — угрожающе начала Таня.
— Говори, говори! — захлопала в ладоши Аисченко. — Какое прозвище ей дали?
— Пожирательница сердец, — медленно, насаждаясь эффектом, с расстановкой

натянула черный резиновый шлемик, сразу сделавшись еще более похожей на загорелого длинноногого мальчишку. Встретившись глазами с Сергеем, она улыбнулась и сделала мгновенную гримаску, морща нос.
— А ты со мной не согласен? — спросила Людмила у Глушко.
— Ты уклонилась от прямого ответа. «В принципе», «в данном случае»… Тут нужно ставить вопрос ребром.
— То есть?
— А вот так. Нужна бдительность или не нужна? По твоей теории выходит, что сначала нужно убедиться, действительно ли это действие вражеское, и только потом действовать…
— Ну, а ты как думаешь? — прищурился Сергей. Вытерев мокрые руки об одеяло, он взял у Лихтенфельда папиросу и закурил, прикрываясь от ветра. — Может, наоборот нужно — сначала огреть человека дубиной, а после решать — стоило или не стоило?
— Я говорю, — закричал Володя, — что когда обстановка требует особой бдительности, то не всегда есть время раздумывать и взвешивать!..
— Господи, какие глупости ты говоришь, — вздохнула Людмила.

— Его еще, как говорится, петух не клюнул, — сказал Сергей. — А у других эта твоя бдительность уже вот тут сидит, понял? Ты спроси у Сашки, за что его отец целый год бедняку хлебал…
Людмила посмотрела на Лихтенфельда:
— Разве твой папа был репрессирован?
— Ага, еще при Ежове. Его летом трибунал сельского вызвали и говорят: расскажите о своих связях с тестано. Фигт, ежи-пажи! А он говорит: так я и в Германии сроду не был, я же из колонистов, здесь родился. А ему тогда говорят: ну что ж, тогда расскажите, за что вы получали деньги от японской разведки…
Сергей сидел, поджавши пшеросой, и щурясь смотрел на середину пруда, где обе девушки и Гнаток с Косичным перебрасывались надутой футбольной камерой. Стало совсем жарко, осенительно сверкали на солнце брызги, и звенел долетающий до него Танин смех. Ему вспомнились вдруг замерзшие словаленький барона Мюнхгаузена; если бы можно было материализовать эти звуки, то, наверное, именно так они и выглядели бы — летящими в небо кадрами водьи и солнца…
— …так он и остался, ровно четырнадцать

Вообще, конечно, я считаю, что это получается глупо. Ребята, которые никуда не едут, на все лето выпадают из-под контроля организации…
— Есть ведь форпосты, — заметила Людмила.
— Сколько их там! Все это на бумаге. Серьезно, Дежнев, я на август ездила в один лагерь работать вожатой, так перед этим специально интересовалась, даже в горкоме была. Летом действительно никто ничего не делает, прямо безобразие! И это всегда заметно в начале года в младших классах — в третьем, четвертом. Конечно, ребята за лето страшно распускаются, потом их не так просто ввести в рабочий ритм…
— Потому что дураки этим делом занимаются! — воскликнула Таня. — Сажают на пионерскую работу каких-то… не знаю, каких-то прямо схоластов! А потом требуют от ребят пионерской дисциплины. У меня в отряде рассказывали: проводили первый сбор в этом году, пришел какой-то осел и целый час долбил доклад о международном положении. Это четвероклассникам, представляете! На сборе, посвященном началу учебного года!
— Татьяна! — одернула ее Людмила. — Ты

произнес Гнаток и снова принялся за свое яблоко.
Раздался дружный взрыв смеха.
— Просто глупо. — Таня пожала плечиками. — Чье это сердце в там пожрала, ну скажи?
— А ты не помнишь, Танюша? — лукаво спросила Ноамина. — Я могу напомнить.
Физрука — раз…
— Ноская!!
— Это точно, — подтвердил Гнаток. — Физрука она собазнала во все дополки, уж так старалась. Крепление у нее раз исподтилось, так она — нет того, чтобы самой поправить, — усевась на пенек и говорит: «Товарищ физрук, посмотрите, что у меня с крепление, пожалуйста…» — Гнаток так похоже передразнил вдруг картавый Танин говорок и умильную интонацию, что все снова захохотали. — Вот так, Николаева. Поэтому лучше замнем, кто там чего пожирает…

— Ладно вам; поссемались — и хватит, — сердито сказал Сергей. Разомлив большое яблоко, он мочча протянул Тане половинку и обратился к Лисичченко: — Ты что-то начала насчет пионерской работы? — Я? Нет… а-а, это Таня меня спросила насчет отрядной работы во время каникул.

вздремнул и не услышал, как подкралась Таня, неся перед собой, как кастрюлю, резиновый шлемик. Вода угодила ему прямо в лицо, Сергей испуганно вскочил, протирая залитые глаза и по-собачьи тряся головой. Таня ликовала с двух шагах от него, приседая и складываясь пополам от хохота.
— Ага, лентяй, соня! — кричала она, хлопая в ладоши. — В другой раз не будешь спать, когда… ай!!!
Взмахнув руками, она потеряла равновесие и с размаху села на траву: Сергей схватил ее за щиколотку, молниеносно распластавшись по земле, как вратарь, берущий низкий мяч.
— В другой раз не будешь нападать исподтишка, поняла? А теперь идем-ка. —
Он поднял ее, отбивающуюся, и понес к воде. — Я тебе сейчас покажу, где зимуют раки. Вернее, где они лето проводят.
— Подумаешь, какая принцесса, — сказал выбравшийся на берег Косыгин, — сама дойти не может. Куда это ты ее тащишь?
32 — Ракам хочу скормить, вот куда, — мрачно ответил Сергей. — Слышь, Женька, ты тут прошлое воскресенье ловил, — где их тут больше, не помнишь?
— А, это дело, — одобрил тот. — Неси туда, где свая торчит, там их до черта.
— Сережа, меня нельзя скармливать ракам, — убеждающим голоском и заискивающе сказала Таня, — я их боюсь, правда!
— Ничего, зато они тебя не испугаются…
— Сереженька, ну отпусти, я больше не буду! Я сейчас начну визжать, вот увидишь.
— Завизжишь, факт. Тебя рак никогда не кусал? Ничего, вот попробуешь…
Он вошел в воду и, увязая в топком иле, медленно побрел со своей ношей к указанному Женькой месту.
— Мне нравится так, — сказала она, умильно морща нос. — Только не нужно туда, где раки. Я просто не верю, что ты можешь сделать со мной такую гадость.
— Одной тебе разрешается делать гадости, да?
33
— Какая же это гадость? Я думала, что тебе жарко…
Воды было теперь почти по грудь — ноша стала совсем легкой и приятной.
— И вообще в этом пруду раков нет, ты же сам говорил. — Таня обняла его за шею и, по-видимому, чувствовала себя вполне комфортабельно. — Ты меня только пугаешь, правда… ой, что с тобой?
Сергей изобразил на лице гримасу боли и принялся приплясывать, словно стряхивая с ноги башмак.
— А, ч-черт! Один, кажется, уже вцепился…

аевочка — глаза, косички вот такие, в строчку! — я, говорит, преследователь. Я говорю — как же так, а они все сказали, что нет преследователя, и ты сама почему ло сих пор молчала? А она — ой, ну такая чудесная девчонка! — говорит, мне стыдно, все равно у нас с конца прошлого года никакой работы не ведется, даже звенья не собираются. И на все лето — ой, ну вот ты скажи, Архип, разве это правильно — прекращать на лето пионерскую работу? Ну хорошо, в лагерях есть работа, но ведь не все же охвачены лагерями…
— Ты ешь, — сказала Аполлинария. — Пока ты отдохнешь, от яблок ничего не
36 останется.
— А вы мне оставьте, как не стыдно! Тоже, обжоры несчастные. Глаток, ну разве порядочные люди столько едят?
— Посчитай, сколько сама сделала, — возразил Глаток. Выбрав два яблока, самое крупное и самое маленькое, он закусил большое, а маленькое бросил Тане на колени. — Держи, и хватит с тебя.
Таня покачала головой:
— Самое зеленое выбрал, и еще бормашинное. Ох и свинья же ты, недаром в тебя тогда покололи…
— Подумаешь, покололи! Просто не аверсией. Зачем в каждом нужно непременно видеть притаившегося врага?
— Ты не разбираешься в механике классовой борьбы, — назидательно заявил Волода. — Иначе не задавала бы дурацких вопросов.
— Но до каких же пор будет продолжаться эта борьба? — Аполлинария пожала
29 плечами. — Я тебя просто не понимаю. У нас уже восемнадцать лет строится социализм. Отсюда что существует капиталистическое окружение, нельзя же подозревать сто восемьдесят миллионов человек. А у нас получается именно так…
— Восемнадцать лет, ага? — крикнул Глушко. — А Бухарин, Зиновьев — когда все это было? А откуда ты знаешь, что сегодня — вот сейчас, в сентябре спокойного года, у нас на ответственных постах нет какого-нибудь прособиявшегося предателя?
Аполлинария собралась что-то ответить, но тут Сергей снова повернулся лицом к спорящим:
— Я тебе вот что скажу, Волька! Что там наверху делается, — не нам с тобой судить, там и без нас разберутся. А вот что в народе у нас нет предателей, так в этом я тебе головой могу ручаться, понял?

Если там забросят или завербуют десяток гадов, так это еще не народ. Ты вот про бухаринцев вспомнил — так я тоже читал эти материалы, не беспокойся! Имели они поддержку в народе? Ни черта они не имели и иметь не могли! Она права на сто процентов, — он указал пальцем на Людмилу, — у нас народ еще в семнадцатом году выбрал, по какой дорожке идти, понял? А сейчас что получается? Я когда на ТЭЦ поступал, так мне сто анкет пришлось заполнять! Не было ли родственников в белой армии, нет ли связи с заграницей, чем дед с бабкой занимались… а Коля, помню, рассказывал — еще в тридцать седьмом
30 году, — как у них в цеху собрание было. Выступил один такой и кричит: «Выше бдительность, товарищи! Выше бдительность! Враг не дремлет, враг в наших рядах — вот здесь!» — и пальцем туда-сюда тычет, в слушателей. Это что, по-твоему, доверие к рабочему человеку? Да разве ж это не обидно, когда тебя на каждом шагу подозревают?

Подошедшая шумная — с гармонистом — компания стала располагаться на берегу недалеко от них.

— Ладно, довольно о политике, — сказала Людмила, вставая. — Идемте купаться,

Таня неистово замотала и забилась, подаримая фонтаны брызг, Сергей потерял равновесие. Когда он вынырнул, отплевываясь воду, Таня уже удирала от него, отчаянно работая руками и ногами и с ужасом отгадывая. Он догнал ее в несколько взмахов, снова нырнул, захватив со дна большой ком ила и водорослей, и подлая рожу, показывая Тане добычу.

— Гадал! — крикнул он. — Я его еле от пятки отодрал — глаза какой здоровенный! На, ловя!

Брошенный ком шлепнулся Тане прямо на спину — она испугалась совсем уже душераздирающий вопль и исчезла под водой. Помогая ей вернуться на поверхность, Сергей заметил, что она дрожит всем телом.

— Ты чего? — спросил он. — Что ты, Танюша?

Стоя в воде по плечи, он прижал Таню к себе и загнул ей в лицо — испуганное, с прилипшими к щекам прядями волос, 34 оно было теперь совсем несчастным.

— Как не стыдно, — сказала она прерывающимся голосом, — я ведь тебе говорила, что боюсь… а ты бросил на меня такого огромного — он успел меня немножко укусить, только я его сразу стряхнула…

— Кто успел укусить?

— Рак! Еще спрашиваешь, как не стыдно… Я тебе никогда этого не прощу…

— Так ведь никакого рака не было, — засмеялся Сергей, — это я в тебя водорослями бросил!

— Неправда, он меня укусил, — сердито повторила Таня, убирая за уши мокрые 35 волосы, — ты просто садист, вот ты кто… теперь сам неси меня к берегу, я не поплыву. Или, может быть, тебе не хочется?

— Хочется, что ты, — быстро сказал Сергей.

— Кстати, Николаева, — сказал Глушко, когда они все уселись в кружок на одеяле, уписывая яблоки с хлебом, — как ты — познакомилась уже со своим отрядом?

— Угу… — Таня закивала с набитым ртом.

— М-м-м… ой, они такие замечательные! Я уверена, что хорошо с ними сработаюсь, правда. Им сейчас скучно — никакой работы с ними не вели, ничего совершенно. Я, когда пришла в первый раз, спрашиваю, кто у них председатель совета отряда, а они отвечают: «У нас нет председателя». Представляете — отряд есть, а председателя нет! Потом наконец встает чудесная такая

жарко…

— Ладно, я пока тут покараулю, — отозвался Сергей. — Пусть там потом Женька подойдет, что ли… Он уже целый час нырял.

Оставшись в одиночестве, он лег и стал наблюдать за колонной мурашей, хлопотливо перебрасывающих куда-то нехитрые свои стройматериалы. Протяжный гром моторов внезапно обрушился с неба тугой лавиной, похоронив под собой перебор гармошки и плеск и крики купающихся. Сергей повернулся на спину — три коротких ширококрылых истребителя в кругом вираже прошли над 31 прудами, разворачиваясь в сторону города, и скрылись за деревьями.

Наверное, с нового военного аэродрома, который — недавно говорили в школе — расположился за Казенным лесом. Да, а войны-то, пожалуй, будет. Конечно, если с такой точки зрения — может, и оправдана в какой-то степени вся эта подозрительность. Но все равно, подозревать каждого тоже не годится. Главное везь — анкеты против настоящих шпионов не помогут, те-то научены, что и как отвечать. А честным людям обидно…

Он закрыл глаза, потом незаметно